

Быть самим собой в науке и жизни

Интервью А.И. Подольского

Андрей Ильич, Вы, как ученик и последователь П.Я. Гальперина могли бы много рассказать об этом великом человеке. В чем проявлялась его уникальность?

Я думаю, у каждого, кому посчастливилось быть рядом с Петром Яковлевичем, работать вместе с ним и жить рядом с ним, есть свой Гальперин. И поэтому я буду говорить о том, как я понимаю, что такое феномен Петра Яковлевича Гальперина, что собой представляет то великое наследие, которое он оставил, и, естественно, оставляю право на критическое восприятие и оценку того, что я буду говорить.

Самый первый и самый основной вопрос, который всегда возникает, когда мы в ретроспективном плане обсуждаем крупную, масштабную, неординарную личность, – это что реально сделал этот человек, что он после себя оставил? Первое и главное заключается в том, что, говоря словами самого Петра Яковлевича, ему все-таки удалось поймать ту самую «синюю птицу психологии». Удалось недвусмысленно ответить на вопрос, какой должна быть психология как наука, чем она отличается от других

наук, чем она отличается от наукоподобных «психологий». Когда я готовился к сегодняшнему интервью, мне пришло в голову такое сравнение: есть психология, о которой мы говорим сегодня, а есть “psychologie” – то, что сейчас заполняет страницы гламурных журналов и является нам с экранов телевизоров. Я не отказываю этой самой “psychologie” в праве на существование. Раз она есть, раз она покупается, – значит она кому-то нужна. Но к истинной, научной психологии она имеет весьма сомнительное отношение. Петр Яковлевич никогда не опускался до уровня “psychologie” и, начиная с самого раннего научного возраста, жил огромной проблемой – что есть психология, чего ей не хватает, чтобы

занять равноправное место в ряду других наук? Почему она плутает столетия, тысячелетия в одних и тех же трех соснах? Почему те же самые проблемы мучают людей сейчас так же, как они мучили наших коллег, пусть они психологами тогда еще и не назывались, сотни, тысячи лет назад. Вот это, мне кажется, самое главное. Конечно, можно и нужно обсуждать, с какой степенью конкретности Петр Яковлевич ответил на этот основной для психологии вопрос. Да и должен ли был он отвечать на него? Это первое и основное. Второе. Сказав «А», человек удивительной научной честности, последовательности, требовательности к себе и другим, каким был Петр Яковлевич, не мог не сказать «Б».

Андрей Ильич Подольский – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

И этим «Б» стала проблема метода. Опять-таки, никто не говорит, что все вопросы в психологии закрыты, что все совершенно ясно, что метод планомерно-поэтапного формирования умственных действий и понятий позволяет уже сегодня решать все вопросы. Речь не об этом. Мы говорим о том, что Гальпериным намечен принципиальный подход и показаны пути его реализации.

Ну и, наконец, третье. Много ли мы знаем психологических концепций, теорий, схем, моделей, которые имели бы непосредственный широчайший практический выход? Опять-таки, речь не о том, что Гальпериным предложена некая панацея, более того – это не методика, которая имеет широкий спектр возможностей. Это (хочу сослаться на собственную фразу, которую я начал использовать двадцать лет назад) – мощнейшее интеллектуальное орудие. Как у любого орудия, его эффективность зависит от того, как оно понято и где оно используется. Отбойный молоток может быть прекрасным орудием, чтобы долбить мостовую, но им вряд ли можно пришить пуговицу. Аиголкой не пробьешь асфальт. Так же и здесь. Мы можем очень интересно и глубоко рассуждать о возможностях применения гальперинских идей в нашей новой сегодняшней образовательной среде со всеми теми инновациями, которые вошли и входят в нее, но это орудие. Оно не безлично. С одной стороны, оно всегда связано со своим творцом, он его наполнил определенным содержанием и возможностями, а с другой стороны, – с тем, кто это орудие использует, использует хорошо или недостаточно хорошо.

Мне кажется, что эти три важнейших момента содержат в себе громадный общенаучный и конкретно-психологический потенциал. К моему очень большому сожалению в настоящее время обсуждение гальперинского наследия фактически затормозилось. Если оно и ведется, то в крайне

ограниченном объеме очень ограниченным кругом специалистов, и это плохо. Без обсуждения дальнейшего движения вперед не будет, а движение это необходимо.

Ну и, конечно, говоря о феномене Петра Яковлевича Гальперина нельзя не упомянуть поразительную размерность его личности. Не имея ничего общего с форматом мифического героя, Петр Яковлевич, это мое личное мнение, был фигурой совершенно редкостной, потому что ему на протяжении всей жизни, прошедшей далеко в не простых условиях, удалось в науке быть самим собой. Истинно научное знание и научные принципы представляли для него непреходящую ценность. К этой важнейшей черте его характера как ученого добавлялась потрясающая харизматичность Петра Яковлевича. Эта харизматичность во многом способствовала тому, что тем, кто хотя бы раз слушал лекцию или выступление Гальперина, участвовал в обсуждении с ним той или иной научной проблемы, очень трудно было удержаться от того, чтобы не принять его позицию, не влиться в ряды его сторонников.

Разрешите задать Вам вопрос, который часто возникал и при жизни Петра Яковлевича, и продолжает вставать сейчас: каковы границы применения положений, выдвинутых Гальпериним в научной психологии и практике, прежде всего, практике обучения?

Да, это действительно острый и, кроме того, очень непростой вопрос. Говоря о том, каковы границы применения гальперинской концепции или, как мне привычнее говорить, гальперинской системы, надо четко определить границы того, что мы имеем в виду: общие методологические посылы, теоретико-психологические эвристики или экспериментально-методическую конкретику. Одно дело – спорить о том, хватает ли общих принципов понимания психиче-

ского, принципов дифференциации форм и видов психического, общих принципов объективного психологического исследования, сформулированных Петром Яковлевичем, чтобы покрыть безграничное поле психологической феноменологии, и совсем другое – конкретно обсуждать, к примеру, гальперинское понимание внимания. Другой аспект этого же вопроса касается актуальной проработанности применения гальперинской системы к решению той или иной научно-психологической проблемы. Что мы имеем в нашем распоряжении: общий подход, отличную идею, пусть достаточно операционализированную, но всё же только идею, или же четко, на уровне современных требований проведенную экспериментальную проверку этой идеи? Этот аспект, мне думается, и должен стать предметом систематического обсуждения, потому что ситуация на самом деле не слишком легкая и требует для своего понимания, с одной стороны, очень хорошего знания положения дел в современной психологии, а с другой – глубокого понимания гальперинской системы.

В заключении остановлюсь на одном, также остром вопросе практического применения системы П.Я. Гальперина. Мне неоднократно приходилось и писать, и говорить, что нет ничего более ошибочного и в силу этого – непродуктивного, чем рассматривать эту систему как перечень методических указаний к построению процесса обучения. Необходима специальная, далеко не всегда рутинная работа по созданию особого научно-прикладного орудия, позволяющего спроектировать и осуществить ряд промежуточных шагов от общетеоретических представлений, содержащихся в системе П.Я. Гальперина, к конкретной методике обучения.

*Беседовала профессор
О.А. Карбанова*